

*С. А. Лишаев**

МЕТАФИЗИКА ВООДУШЕВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ШУТОЧКА»)

В статье рассматривается метафизическая основа воодушевления, выявляются его онтологические и темпоральные импликации. Анализ онтических и онтологических составляющих особенного состояния осуществляется на материале рассказа А. П. Чехова «Шуточка». Показано, что в центре внимания автора находится метафизический аспект воодушевления героини рассказа — Наденьки. Выявление метафизической основы любовного переживания происходит параллельно с редукцией романтического начала ее чувства. Онтологические импликации любви связывается с проблематикой онтологической нехватки, полноты присутствия и спасения. Исследование показало, что смысловым центром повествования в «Шуточке» является открытие его героиней действительности Другого как субъекта воодушевления, данность которого трансформирует привычный порядок временения в режим стоящего настоящего.

Ключевые слова: воодушевление, эмпирический субъект, метафизический субъект, любовь, Другое, спасение, трехчастное время, подлинное настоящее, незабываемое.

S. A. Lishaev

METAPHYSICS OF INSPIRATION

(BASED ON THE SHORT STORY «A JOKE» BY ANTON CHEKHOV)

The article considers the metaphysical basis of inspiration and shows its ontological and temporal implications. The author analyzes ontic and ontological components of the «special condition» on the basis of the short story «A Joke» by Anton Chekhov. It is shown that Chekhov focuses on the metaphysical aspect of the heroine's inspiration. As the action proceeds and the heroine's inspiration is relieving from the romance, its ontological origin appears. Ontological implications of love appear to be associated with the issues of ontological insufficiency, fullness of presence and salvation. The paper proved that a true semantic focus of the story lies in the discovery made by the heroine: the discovery of the Other as an author of her inspiration, whose presence transforms the ordinary way of timing into the mode of true present.

* Лишаев Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева; lishaevs@bk.ru

Keywords: inspiration, empirical subject, metaphysical subject, love, the Other, salvation, three part time, true present, unforgettable.

Я был в Риме. Был залит светом. Так,
Как только может мечтать обломок!
На сетчатке моей — золотой пятак.
Хватит на всю длину потемок.

И. Бродский. Римские элегии

Любовь — тема для художественной литературы традиционная. А. П. Чехов касался ее в разных аспектах в разные периоды своего творчества. В некоторых произведениях она представлена не как *история любви* (роман), а как *особое состояние*. Большой интерес представляют рассказы, в которых любовное — по ситуации возникновения — воодушевление отделяется от драматургии отношений. Мы говорим о рассказах «Шуточка» и «Поцелуй», где воодушевление персонажей не связано с определенным предметом любви и замыкается *само на себя*. Их герои — Наденька и Рябовский — захвачены любовным *по своему происхождению* воодушевлением, которое — по воле автора — не может реализоваться в отношениях.

Описание воодушевления этого типа интересно, в частности, тем, что начало, делающее его особенным, выходит из тени, не скрываясь за развитием отношений любящих. Когда воодушевление «имеет место», а явные — психофизические и социальные — мотивы отсутствуют, «на фильтре», если воспользоваться чеховской метафорой, остается метафизическая составляющая состояния, выделяющая его из повседневного среднечувствия.

В предлагаемой вниманию читателя работе метафизический аспект воодушевления рассматривается на материале «Шуточки» (ниже по тексту рассказ цитируется по изданию: [12]). Статья продолжает цикл исследований, посвященных анализу особенных состояний, которые ранее рассматривались нами на материале эстетического опыта. В работе используется концептуальный аппарат, сложившийся в ходе анализа эстетических феноменов и возрастных этосов [5; 6]. Особенности состояния (эстетические расположения) в рамках этой концепции разделяются на условные и безусловные. В на материале «Шуточки» мы рассмотрим расположение, относящееся к категории безусловно особенных, не поддающихся описанию в количественных понятиях. Различие между условными и безусловными эстетическими расположениями было рассмотрено в «Эстетике Другого» (подробнее см: [5, с. 29–33]) и других работах эстетического цикла. Разграничение настоящего в границах трехчастного временения и (на)стоящего настоящего как особого модуса присутствия было артикулировано в ходе анализа этоса мудрой старости (см.: [6, с. 338–427]).

Из сказанного не следует, что работа адресована исключительно философам. Она может быть интересна чеховедам, тем более что литературоведческих трудов, посвященных «Шуточке», не так много [1; 2; 3; 4; 7; 8; 9].

Воодушевленная душа. От проверочных спусков к катанию-за-состоянием. Тема «Шуточки» — воодушевленная душа в ее отнесенности к тому, кто (что) является виновником особенного состояния. Прочие мотивы зависят от лейтмотива и служат его разработке.

Прежде чем перейти к размышлениям на заявленную тему, напомним вкратце содержание рассказа.

Молодой человек уговаривает свою знакомую съехать с ним на санках с ледяной горы. Наде страшно, она не соглашается, но молодому человеку удается уговорить ее. В момент, когда у девушки от скорости захватывает дух, ее спутник вполголоса произносит: «Я люблю вас, Надя!» От страха Надя ни жива ни мертва. Придя в чувство, она «вопросительно заглядывает... в глаза» молодому человеку, пытаюсь понять, были сказаны «те четыре слова» или ей это только «послышалось» в шуме ветра. Ее знакомый сохраняет невозмутимость и «внимательно рассматривает перчатку». Молодой человек делает все, чтобы Наденька не получила ясного ответа на свой вопрос. «О, какая игра на этом милом лице, какая игра! Я вижу, она борется с собой, ей нужно что-то сказать, о чем-то спросить, но она не находит слов, ей неловко, страшно, мешает радость...» Через какое-то время, преодолев страх, Надя предлагает рассказчику съехать с горы еще раз. Она хочет понять: «Кто произнес те слова? Он, или мне только послышалось?» И вновь шутник «при самом сильном разлете санок» произносит те же четыре слова. Надежда по-прежнему недоумевает. Но третья попытка добиться определенности также кончается неудачей. На следующий день катание с горы, по желанию Нади, продолжается. С этого дня она ходит на каток ежедневно... «Правда, лететь с горы по-прежнему страшно, но теперь уже страх и опасность придают особое очарование словам о любви, словам, которые по-прежнему составляют загадку и томят душу». Даже когда Надя, чтобы покончить с сомнениями, съезжает с горы на одиночку, ясности это не приносит: она по-прежнему «не знает, слышала она что-нибудь или нет» («страх, пока она катилась вниз, отнял у нее способность слышать, различать звуки, понимать...»). Катание продолжается. Надин спутник предполагает, что для нее теперь «из какого сосуда ни пить — все равно, лишь бы быть пьяным». Наступает март, гора тает, и «бедной Наденьке уж негде слышать тех слов». Шутник собирается покинуть город. Незадолго до отъезда — сквозь щель в заборе — он видит, «как Наденька выходит на крыльцо и устремляет печальный, тоскующий взор на небо...» Дождавшись порыва ветра, он тихо произносит «те слова». Надя «вскрикивает, улыбается во все лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая». В финале рассказчик сообщает читателю, что со времени, когда он шутил, прошли годы, Надя давно вышла замуж, и у нее уже трое детей. То, «как ветер доносил до нее слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...» Завершая повествование, рассказчик признается, что теперь, через много лет, он и сам уже не знает, зачем «говорил те слова, для чего шутил...»

Особенное состояние, в котором оказалась Надя, спровоцировано любовным признанием, исходившим от ее знакомого. Признание для нее — внутренняя данность, но его действительность во внешнем мире находится под вопросом: «Это было на самом деле, или ей только показалось?» Страх, коварство шутника, шум ветра и «жужжанье полозьев» препятствуют тому, чтобы признание реализовалось в качестве начала *любовной истории*.

Наденька, в отличие от рассказчика, захвачена происходящим и о возможности розыгрыша, судя по всему, не задумывается. Она испытывает воодушевление: любовь уже при дверях и стучится в них. Для нее все по-настоящему. Вот почему она так хочет понять, были сказаны «те слова» на самом деле или нет. Душа ее «загорелась», и она готова ответить на зов, причем ответить положительно. Однако сделать это явным образом, *дав ход своему чувству*, она не может: мешают сомнения. Новые (проверочные) спуски свидетельствуют о Надиной заинтересованности в результатах «расследования» и желании двигаться в направлении, открытом признанием.

Романтические отношения могут возникнуть после того, как воображение пробуждено, захвачено, окрылено, когда оно рисует картины счастливого будущего. Все это у Нади было. Неопределенный образ счастья, сотканный Надиным воображением, после признания готов воплотиться в определенный образ «любимого мужчины», но... на пути к личному счастью стоит шутник, препятствующий тому, чтобы ее чувство стало предметным.

Если сравнить Надино состояние с состоянием шутника, бросается в глаза их различие. Молодой человек внимательно наблюдает за ходом организованного им психологического эксперимента; он вовлечен в происходящее как организатор розыгрыша, но эмоционально от него отстранен и романтических чувств к Наде не испытывает. Ясно, что шутник, искушающий неопытную душу, заранее ожидал проверочных спусков и предвкушал удовольствие от наблюдения за игрой радости, восторга, страха, любопытства и недоумения на Надином лице. Объект розыгрыша («эксперимента») — разумная душа, в общих чертах реакция девушки на признание предсказуема, в деталях же — нет. Элемент непредсказуемости, создающий напряжение между «гипотезой» относительно Надиной реакции действительностью, делает наблюдение за ней (для шутника) интересным, захватывающим.

В отличие от Нади, молодой человек уверен, что понимает смысл и причины происходящего. Это он придумал использовать признание в любви без обратного адреса как инструмент воздействия на душу, это он контролирует — «из-за ширмы» — происходящее. О мотивах его поведения автор умалчивает. Можно лишь предположить, что героем двигало *любопытство и удовольствие*, которое дает человеку модерна *власть над чувствами и мыслями другого* (удовольствие того же рода, о котором говорит в «Княжне Мэри» лермонтовский Печорин: «Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?»). Для шутника важно, что он, заняв доминирующую позицию, утверждает себя в качестве субъекта.

Для понимания художественно-смысловой динамики рассказа следует обратить внимание на переломный момент в Надином отношении к признанию. Поначалу определяющим для нее был вопрос о действительности признания и о его субъекте:

Я провожаю ее с катка домой, она старается идти тише, замедляет шаги и все ждет, не скажу ли я ей тех слов. И я вижу, как страдает ее душа, как она делает усилия над собой, чтобы не сказать:

— Не может же быть, чтоб их говорил ветер! И я не хочу, чтобы это говорил ветер!

Однако повторные спуски ясности не принесли. Этому по-прежнему препятствуют помехи: страх, шум ветра, коварство Надиного спутника. Спросить знакомого о том, что ее волнует, Надя не решается: мешают скромность, представление о приличиях. Желание покончить с неопределенностью побуждает ее совершить одиночный — проверочный — спуск. И хотя ей и на этот раз не удалось добиться ясности, ее отношение к происходящему стало иным. Она поняла, что ответа вопрос ей не получить. Вместе с осознанием бесперспективности попыток установить истину она понимает, что она не в силах отказаться от признания и воодушевления. «Подозреваются все те же двое: я и ветер... Кто из двух признается ей в любви, она не знает, но ей, по-видимому, уже все равно; из какого сосуда ни пить — все равно, лишь бы быть пьяным».

С этого момента Надя приходит на каток не ради будущего вдвоем, а ради воодушевления («лишь бы быть пьяным»). Радость бытия в признанности (избранности) помогает ей раз за разом преодолевать страх. И хотя вопрос о том, любят ли ее *на самом деле*, и кто именно ее любит, сохраняет для ее какое-то значение («подозреваются все те же двое»), не он теперь побуждает ее раз за разом лететь в пропасть; главный мотив для продолжения рискованных спусков — желание быть воодушевленной, воля к *полноте присутствия*.

Вопросы о действительности признания и его субъекте оказываются вынесенными за скобки. Надино отношение к происходящему напоминает феноменологическую редукцию. Если сначала она руководствуется практической установкой (надо что-то предпринять для того, чтобы изменить положение дел в пользу многообещающего будущего), то потом оно смещается к *принятию* того, что есть, как данности, как дара: не так важно, было ли сделано ли признание «*на самом деле*», важно, что оно есть для нее и позволяет ей *быть в полной мере*, быть по-настоящему живой.

Вопрос об идентификации субъекта признания после одиночного спуска уже не определяет Надино отношения к происходящему. Теперь она не исполнительница настоящего, помещенного в горизонт возможного будущего, а послушница (на)стоящего настоящего.

Едва ли можно сомневаться в том, что повторные спуски с самого начала имели двойную мотивацию: это было и желание знать, «были сказаны те слова или нет», и потребность в актуализации воодушевления. Но желание заглянуть «за горизонт» ради «устройства личной жизни» с определенного момента утратило свою действенность, а желание быть живой, настоящей ее сохранило. Отличие между двумя периодами в том, что до одиночного спуска определяющим сознание и поведение мотивом было желание знать, чтобы двигаться дальше, а после него — воля к полноте присутствия.

Если первый сосуд пьянил Наденьку романтической перспективой (надеждой на личное счастье), то второй — чувством полноты присутствия, давшим свободу от заботы о себе и своем будущем. Содержимое первого сосуда — возможность жизненного успеха в горизонтальном измерении («Были

сказаны те слова или нет? Да или нет? Да или нет? Это вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья»). Содержимое второго — в полноте настоящего. Оказалось, что непереходное настоящее, собравшее время, разделенное на прошлое, настоящее и будущее, — это такой модус присутствия, в котором *ничего не надо*. Открыв полноту (на)стоящего настоящего, Надя хочет одного: *быть настоящей в настоящем*.

Не имея возможности определить источник воодушевления, она с благодарностью *принимает* полноту присутствия как дар. Но дар — это не то, чем можно распоряжаться по своему усмотрению. Логика дара и ответной благодарности отличается от логики рационально-деятельного субъекта, полагающего, что всем в своей жизни — и хорошим, и плохим — он обязан самому себе. Охватившее героиню воодушевление побуждало — поначалу — думать о будущем, о его устройстве, но после одиночного спуска экзистенциальная доминанта сместилась. Теперь Надя стремится (воспользуемся названием романа М. Богатова «Быть вполне») к одному: быть настоящей, *«быть вполне»*.

Переход от рискованных спусков *ради будущего* к спускам *ради воодушевления* свидетельствует об *онтологическом сдвиге* (о сдвиге от сущего — к Бытию), *исполненном не теоретически, а практически*. В режиме (на)стоящего (подлинного) настоящего жизнь, разобранный по ячейкам времени, по их ближним и дальним отсекам, оказывается собранной в «теперь». Жизнь не отнесена к другому: не отнесена к другому человеку (в том числе к себе другому, будущему), к другому времени, состоянию, цели, результату.

Полноту присутствия человек ощущает в сингулярности стоящего настоящего. Можно иметь опыт собранности в подлинном настоящем, но жить в этом режиме человеку не дано. Его существование овременено, а значит — подчинено хронологии трехчастного времени. При этом Dasein способно, не покидая времени-на-три-времени (покинуть — значит умереть), находиться во времени, собранном в настоящем.

Мгновения выхода из экзистенциальной схемы трехчастного времени — мгновения счастливые. Но власть трехфазного времени с неизбежностью предъявляет свои права на человека; вместе с его актуализацией возобновляется обычный порядок жизни. Социальные связи, обязанности, быт предполагают восстановление режима трехфазного временения. Героиня «Шуточка» живет в двух экзистенциальных режимах: особенном и обычном. В промежутках между спусками с горы и полетами на седьмое небо своей души Надя еще и завтракает, обедает, ужинает, общается с близкими и т. д. Взрослому человеку приходится ориентироваться в таком времени, уметь считать и планировать его. Мгновение (пусть оно длится секунды, минуты, часы, дни или недели) не остановить потому, что «я так хочу». Остановка — это смерть (ср. договор Фауста с Мефистофелем).

Первый финал (когда гора растаяла). Большая часть «Шуточка» — это описание истории с признанием, меньшая — послесловие к ней. Вступление в рассказе отсутствует, но зато имеется два финала. Первый — *промежуточный* — связан с прощальным признанием рассказчика перед отъездом из города (сцена «на крыльце»). Второй представляет собой эпилог (послесловие). Из эпилога читатель узнает о месте, которое заняла «шуточка» в Надиной

жизни через много лет после завершения эпизода на «горе признаний». Начнем анализ с рассмотрения первого финала.

После того как снег, а с ним и слова признания растаяли, растаяло и Надино воодушевление. Полнота присутствия до сцены «признания на крыльце» переживалась в модусе отсутствия, в тоске по настоящему. *Признание на крыльце* и возвращение полноты присутствия было пережито Надей как дар свыше, как чудо. Эмоционально-смысловой тон повествования изменился: лирические мотивы в нем усилились, появились элегические ноты.

Отметим, что цельностью и чистотой воодушевления от признания, как и его актуальностью «десять лет спустя» Надя обязана — отчасти — своему знакомому. Отказавшись от игры на понижение во время катания (шутник скрыл от героини «низкую истину» о происходящем), он не открыл Наде оскорбительную для нее правду о розыгрыше. Более того, перед своим отъездом в Петербург он сознательно играет на повышение, придает прощальному признанию форму чуда, укрепляет Надину веру в высшую и благую силу, оказывающую ей внимание, берущую ее «под крыло».

Рассмотрим эпизод с признанием «на крыльце» подробнее. Перед тем как покинуть город, шутник видит сквозь щель в заборе, как Наденька выходит на крыльцо своего дома и устремляет тоскующий взор на небо. Дождавшись порыва ветра, он тихо произносит: «Я люблю вас, Надя!»

Я вижу, как Наденька выходит на крыльцо и устремляет печальный, тоскующий взор на небо... Весенний ветер дует ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у нее становится грустным, грустным, по щеке ползет слеза... И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося этот ветер принести ей еще раз те слова.

В ответ на немую просьбу происходит то, чего — по логике мира сего — произойти не могло: признание звучит. И вот уже Наденька «улыбается во все лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая».

Эпизод на крыльце должен был подтолкнуть героиню к осознанию метафизической природы субъекта, стоящего за словами признания. Слова любви прозвучали в ситуации, когда рядом никого не было. Ее просьба была обращена «в пространство». Адресат Надино жеста — небо и ветер. Если мы реагируем на метафорический смысл этих слов, то вслед за ветром и небом прочитывается конечный адресат ее мольбы — Бог.

Признание на крыльце (в Надином его восприятии) — прямое продолжение признаний на горе, но в других обстоятельствах. В ситуации, когда нет ни ледяной горы, ни страха, ни ее знакомого, с кем еще, кроме ветра, можно было связать слова признания? Ясно, что их принес ветер. Но от кого они исходили, кто их произнес? Ветер не говорит, он лишь «доносит» чьи-то слова до того, кого принимают, признают, любят. В таких обстоятельствах мысль о том, что признание пришло с небес, просто не могла не явиться. Все располагало Надю к тому, чтобы подумать о метафизическом субъекте (о Другом) как о том, чьи слова донес «ветер» (ветер здесь — вестник, посредник).

Вопреки доводам здравого смысла Надя жила надеждой, она, вероятно, верила, что ее мольба будет услышана. Когда ее просьба была исполнена, это исполнение было воспринято — должно было быть воспринято — как чудо (как *то, чего не может быть, но что, тем не менее, есть*). Не случайно один и тот же жест повторяется дважды: сначала Надины руки протянуты к ветру и небу с мольбой, потом — с благодарностью.

Неопределенность метафизического субъекта признания в любви требовала от Нади дать ему имя, определить его. Его определение *зависит от того, во что человек верит*, его определение — это еще и *самоопределение*. Как именно Надя назвала для себя отправителя признания, читатель не знает. Все зависит от того, во что она верит. Надя могла верить в Бога, в несотворенную материю, в истину, добываемую в научном поиске, или во что-то другое. Можно допустить, что метафизический субъект остался для нее безымянным или, быть может, она опознала в его признании знак, поданный ей судьбой.

Если Надя не верила в Бога (что для девушки из провинциального города конца XIX века вполне допустимо), она могла думать, что обласкана миром, что мир благоволит ей. Если она из верующей семьи, а для России XIX века это наиболее вероятно, Надя могла решить, что это Бог окликнул ее («это Ты, Господи!»).

Второй финал. Незавершенность завершенного. «Шуточка» — не «картина», не «зарисовка», это полноценное *повествование*, имеющее темпоральную глубину, *ближний и дальний планы*. История с признанием проходит испытание временем. В первой редакции «Шуточки» темпоральная рама отсутствовала. (Напомним, что у «Шуточки» две редакции. Первая из них (1886) — юмористическая. В ее финале шутник раскрывает карты и предлагает Наденьке выйти за него замуж: «А теперь позвольте мне жениться». Этим предложением «не в шутку, а всерьез» завершался рассказ 1886 года.)

Временная дистанция заметно усложнила смысловой рисунок рассказа. В эпилоге читатель узнает, что было после *завершения* эпизода с безымянным признанием. Из него он узнает также, что история эта для Нади странным образом *не завершилась*.

Во времени-на-три-времени эпизод завершился, то есть остался в далеком (возрастом) прошлом. В том прошлом, которое отделено от той жизни, которая очерчена в эпилоге: теперь Надя замужем, и у нее трое детей. *Возможное* в юности в зрелости *невозможно*.

Завершившись в *линейном времени*, эпизод с безымянным признанием в экзистенциальном измерении не завершился. Он и теперь, когда Надя достигла поры зрелости, актуален; он вошел в ядро ее личности (к личностному ядру относится то, от чего нельзя отказаться, его содержание всегда актуально).

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; ее выдали или она сама вышла — это все равно — за секретаря дворянской опеки, и теперь у нее уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток и как ветер доносил до нее слова «я вас люблю, Наденька», не забыто; для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...

Примечательно, что рассказчик не говорит, что Надя «не забыла», «как ветер доносил до нее слова» признания. Автор использовал иную грамматиче-

скую форму: «то, как мы... ходили на каток... *не забыто*» (курсив мой. — С. Л.). Пассивная форма указывает, что не эмпирическое «я» героини владеет одним из эпизодов прошлого, а событие на горе и то, что сделало его особенным, необыкновенным, определяли режим, в котором живет ее душа.

Надино воспоминание относится к категории воспоминаний, *всплывающих в сознании без усилий со стороны эмпирического субъекта*. Не «мы вспоминаем», а нечто о себе напоминает, нечто помнится и создается. Настоящее (подлинное) не нуждается в том, чтобы его вспоминали. Оно само время от времени о себе напоминает, обнаруживая свою незабвенность. Данность Другого выводит из трехчастного времени во время, собранное в настоящем. В трехчастном времени являет себя то, что ему не принадлежит, что «больше» его.

В режиме «бытия вполне» прошлое, будущее и настоящее, которое «между», не актуальны. Режим «бытия вполне» — режим (на)*стоящего настоящего*. Моменты полноты присутствия (то есть моменты, отмеченные «прикосновением» Другого) незабываемы: бытие-в-полную-меру не знает начала и конца. Завершается и уходит в прошлое *ситуация*, в которой полнота присутствия имела место и время. «Жизнь продолжается», так что встреча с Другим как один из *моментов времени* переходит в прошлое. Но Другое, если оно «коснулось» души и в ней запечатлелось, не уходит; его «отпечаток» хранится в ней как образ «бытия вполне».

То, что катание «не забыто», — свидетельствует об онтологическом достоинстве сопряженного с ним состояния. «После катания» Надино образование (образование как формирование) осуществлялось, судя по всему, в ориентации на опыт «бытия вполне». Этот опыт должен был определить конфигурацию ее душевного ландшафта.

Данность Другого — поворотное событие внутренней жизни. Оно открывает мир, в котором, с одной стороны, есть свобода, выбор, ответственность, с другой — сознание собственной ограниченности. Встреча с Другим открывает мир, в котором свобода сочетается со смирением и аскезой. Это мир, в котором уместна вера. В нем человек может надеяться *не только на себя*, но также и *на Другого*. Человек в таком мире — это производный субъект, субъект второго уровня. Его субъектность производна от Другого.

Настоящая любовь (любовь или что-то иное?) Вернемся к вопросу о природе Надино воодушевления. Можно ли определить его как любовное, и если да, то в каком смысле? Попробуем разобраться. Для начала проясним онтологические импликации любви, а затем, продвигаясь от общего к частному, ответим на вопрос о природе особенного состояния героини «Шуточки».

Любовь связана со спасением, спасение — с онтологической нехваткой. Человек определен своей причастностью Бытию и его нехваткой, вечным и временным. *Сознание* временности существования свидетельствует об открытости человека Другому (вневременному). Неполнота ощутима на фоне полноты. Эрот, как писал Платон в диалоге «Пир», — потомок бедности (нищенки Пенни) и богатства (бога Пороса); его природа двойственна; сознавая свое несовершенство, Эрот стремится к совершенству. Стремление к общению, дружба, любовь обусловлены, с одной стороны, неполнотой, с другой — полнотой, богатством.

Напряжение между полюсами (обозначенное державинской антитезой: «я червь, — я Бог») указывает на направление *поиска спасения* (ис-целения): спасение *в полноте*. В момент восполнения Dasein (Присутствия) из Другого (безусловно особенного) и в Другом душа воспламеняется. В эти мгновения человек пребывает в режиме *(на)стоящего настоящего, в собранном времени*.

Любовь рождается и от полноты, и от неполноты. Бывает, что она рождается от полноты (стремление к другому как желание удержать данное в его образе Другое). В любимом открывают Другое и стремятся к полноте. Это любовь-дар, любовь-чудо. Но можно любить и от неполноты, нехватки, стремясь к избавлению от нужды через восполнение в другом. Человек ищет другого в надежде, что сближение с ним сделает его — в каком-то отношении и на какое-то время — богаче и снимет остроту переживания одиночества, частичности и обреченности на исчезновение.

В первом случае человек хочет одного: быть вместе с тем, кто дарит ему чувство полноты присутствия (полнота не достигается, она дарится). Любовь от полноты — любовь в результате открытия в другом Другого. Любовь от неполноты живет стремлением к полноте, удовлетворением от частичного восполнения нехватки за счет собственных усилий. Предметом любви от нехватки может быть не только и другой (Дон Жуан, Казанова — образы романтической любви от нехватки), но и политическая власть, слава, деньги etc.

Как видим, онтологическая нехватка восполняется: 1) условно — через расширение за счет *другого сущего*, то есть через соединение с тем, чего недостает (недоставать может власти, денег, славы, авторитета, впечатлений, любви и т. д.), через забегание/возвращение в *другое время* (неполноту можно попытаться частично восполнить за счет прекрасного будущего или прошлого); 2) безусловно — через данность Другого и переживание *(на)стоящего настоящего*. Обе формы восполнения не спасают, но они, и это важно, действуют на поведение, характер и образ жизни человека. Любовь от неполноты воспроизводит себя в форме стремления к другому «от себя», а не от другого, она производит новые цели стремления (*еще одна любовная победа, еще большие власти, денег, авторитета etc.*). Любовь от полноты *укрепляет веру в спасение* и служит мерилom для оценки того, что условно, преходяще. Моменты пребывания в подлинном времени — это прообразы спасения, они питают веру в него.

Мы исходим из того, что любовь реализуется на двух уровнях: физическом и метафизическом. Можно представить любовное чувство, переживаемое исключительно «на первом этаже»: это влечение полов (в пределе — это неудержимая, иррациональная страсть, амок, описанный в одноименной новелле С. Цвейга). Оно может соединяться с взаимным интересом, дружбой, уважением, желанием быть вместе, это желание может заступать в будущее. В последнем случае такая любовь получает одобрение общества.

В любви, захватывающей человека на двух (эмпирическом и метафизическом) уровнях сразу, напряжение между временным и вечным разрешается в состоянии предельного воодушевления, в переживании полноты присутствия. *Данность безусловно особенного* в том, кого (что) мы любим, выражается среди прочего в «обездвиженности» времени («счастливые часов не наблюдают...»), которое собрано Другим в *сингулярность подлинного настоящего*. Отметим,

что романтическую по своему происхождению любовь, если она реализуется *только* на втором (метафизическом) уровне, уловить и описать непросто, но, как показал Чехов в «Шуточке», возможно.

Что отличает любовное воодушевления с метафизическим «этажом» от однослойного влечения? В первом есть тайна, поэтический элемент, оно удивляет. В однослойном влечении тайна отсутствует; ни само влечение, ни связанное с ним воодушевление не удивляют.

Тайна любви, воспетая поэтами, заключена и в самопроизвольности романтического чувства («по милу хорош»), и в восприятии любимого как *единственного и незаменимого*. Исключительность объяснению не поддается, она удивляет. Влюбленный не может объяснить, «почему именно она/он». Достаточных оснований нет. Для стороннего взгляда другие «ничуть не хуже этой». О чем свидетельствует очевидная для влюбленного *единственность* предмета его любви? «Только» о том, что *в одном* для него заключено *все*. *Отсюда резкий ответ* на вопросы близких («Почему именно он/она?»): «*Не почему*». Вопросы, предполагающие взвешивание доводов «за» и «против», сама необходимость что-то объяснять, аргументировать воспринимается любящим как принижение его чувства: необходимость что-то доказывать ставит под сомнение подлинность любви. Для любящего единственность возлюбленной — простая данность («так есть»). Эмпирический другой, любимый (вот-этот-вот человек) — живой символ, образ Другого.

Любимый (который, как любой эмпирический индивид, далек от совершенства) в любви с метафизическим «этажом» воспринимается как совершенный (но в горизонтальном измерении — для других — он «такой же, как все»). Единственность неотделима от «идеализации». Об этом, в частности, писал В. С. Соловьев в работе «Смысл любви» [10, с. 493–547]. В ином философском контексте (применительно к дружбе) тему единства двух в Бытии (в Другом) рассматривал Франсуа Федье [11, с. 44–77]. За единственностью другого скрывается присутствие Другого. Открытие в другом Другого делает «одного из многих» несравненным. Единство с другим — это единство в Другом. Искомая полнота обретается не в соединении с другим во времени-на-три-времени, а в Другом, которое и для «я», и для «ты» одно.

Но может ли часть вместить Целое? В логике горизонтальных связей и отношений, которая исходит из пространственно-временного континуума, — нет. В ней одно заменимо на другое, следует за ним, замещает его и т. д. Образом Целого («ты для меня все!») другой становится благодаря метафизической основе любви (Другому в ней).

Рассмотрим, что происходит на стороне человека, которому признаются в любви (ситуация, описанная в «Шуточке»). Признание — событие и для любящего, и для его адресата, особенно *когда оно срезонировало, «прошло*». Признание может вызвать у предмета любви ответное чувство даже в случае, когда отношение адресата к любящему до его признания было нейтральным. (Почему в одном случае воодушевление-в-ответ возникает, а в другом — нет, мы здесь обсуждать не можем.)

Ответное чувство возникает или на первом уровне, или на двух уровнях — онтическом и онтологическом — сразу. «Подъем духа» в том, кому

адресовано признание, — результат актуализации в нем Другого. Взаимная любовь на двух уровнях — это *единство* на глубине (*в Другом*): *оба любящих находят друг в друге Другое*, следовательно, они *находят в нем себя*, обретая через него полноту присутствия и единство во взаимной любви. Они едины в Другом и через Другого.

В «Шуточке» тема любви разрабатывается в весьма необычном ракурсе: автора интересует, что будет, если адресат признания загорелся духом, воодушевился, но ответить на любовь — из-за невозможности связать ее с образом эмпирического другого — он не может? В истории катания-за-признанием переживание данности Другого не имеет возможности реализоваться в любви к другому. В результате Надино внимание сфокусировалось на *Другом*, на безусловно особенном ее состоянии, на *метафизической субъектности* ее воодушевления. Надя, как можно предположить, и сама была удивлена тем, что с ней произошло. Влюбленные не всегда ясно сознают присутствие в их чувстве метафизического измерения, но в «Шуточке» метафизическое начало вышло из тени и овладело Надиным вниманием. Ответное чувство, миновав того, кто рядом, сосредоточилось на *Другом*, захватив и те обстоятельства, в которых прозвучали волшебные слова. В Надином случае полнота присутствия соединилась с образами ледяной горы, санок, спутника etc. — со всем тем, что не было ею «забыто».

Вместо рассказа о романтической любви Чехов описывает историю встречи с Другим. Обычно персонажи литературных историй о любви совершают обусловленные чувством поступки, радуются и страдают, совершают ошибки и т. д., а читатель внимательно следит за развитием их отношений. В рассказе «Шуточка» все иначе: в нем на первый план выходит метафизическое начало любовного по своему началу чувства. «Шуточка» — это рассказ о любви как об окликнутости Другим и обращенности к Другому.

Два подхода. Известно, что Чехов не любил давать оценки своим персонажам. Он никогда не акцентирует внимание читателя на своем замысле, на идее произведения, он бежит от любой формы дидактичности художественного текста. «Шуточка» исключением не стала. Понимать и толковать ее можно по-разному. Многообразие подходов можно для простоты свести к двум — горизонтальному и вертикальному. Первый определяется прочтением текста в онтической логике, второй предполагает осмысление истории безымянного признания в логике «как бы двойного бытия» (Ф. Тютчев), учитывающей игру онтических и онтологических измерений в катании-за-признанием.

Если исходить из установок культуры, играющей на понижение и видящей в любви не более чем психофизически обусловленное влечение полов, причину Надино воодушевления можно усмотреть в действиях «нехорошего человека», а ее состояние оценить как субъективное, то есть «не имеющее под собой объективных оснований», вызванное обманом путем. Его причиной назовут запросы пола, возраста и неведение героини относительно действительных причин происходящего. Здесь будут рассуждать следующим образом: «Хотя Надя была счастлива, ее воодушевление, как и ее счастливые воспоминания, — результат обмана, они имеют иллюзорный, воображаемый характер. Скрыв от Нади истину, безответственный молодой человек способствовал закреп-

плению в ее сознании пагубных для рационального субъекта представлений. Поведение шутника заслуживает осуждения, а его жертва — сочувствия».

Однако чеховский текст — и это как раз то, что мы стремились показать в данной статье, — дает весомые аргументы для его прочтения совсем в иной логике — в логике «двойного бытия». Если в «Шуточке» действуют два субъекта (эмпирический и метафизический), то признание и воодушевление оказывается подлинными не только для Нади, но и в своей основе.

Какой из вариантов понимания истории с безмянным признанием реализуется в том или ином конкретном случае, зависит от мироощущения и миропонимания читателя, от того, что он чувствовал и о чем думал, читая рассказ. Подобно тому, как Надя могла по-разному определить свое состояние, читатель может по-разному истолковывать смысловой рисунок рассказа. Чехов этому не препятствует, он «всего лишь» показывает, что, вопреки ожиданиям, шуточное может оказаться нешуточным и наоборот.

Настоящее остается, ненастоящее — исчезает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова Д. Комплексный анализ рассказа А. П. Чехова «Шуточка» // Уроки литературы. — 2002. — № 8. — С. 6.
2. Бруно М. Е. О теплой иронии Чехова // Доклад на конференции «Смешное в творчестве А. П. Чехова» (Дом-музей А. П. Чехова на Садовой-Кудринской в Москве, 25 марта 1998 г.). — URL: http://characterology.ru/creatologia/philology/Burno_on_Tchekhov_irony/ (дата обращения: 25.02.2023).
3. Ван Чжэ. Экспериментальное исследование восприятия русского художественного текста носителями китайского языка (на примере рассказа А. П. Чехова «Шуточка») // Язык, сознание, коммуникация. — М., 2012. — Вып. 44. — С. 39–53.
4. Горшков А. И. Две «Шуточки» Чехова // Русская речь. — 2006. — № 2. — С. 8–17.
5. Лишаев С. А. Эстетика Другого / 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. — 380 с.
6. Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). — СПб.: Алетей, 2022. — 512 с.
7. Магомедова Д. М. Парадоксы повествования от первого лица в рассказе А. П. Чехова «Шуточка» // Жанр и проблема диалога: Сб. науч. ст. — Махачкала, 1982. — С. 76–83.
8. Петухова Е. Н. Две литературные «шутки»: «шуточка» А. Чехова и «Шутка» А. Слаповского // Ученые записки НовГУ. — 2018. — № 6 (18). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-literaturnye-shutki-shutochka-a-chehova-i-shutka-a-slapovskogo> (дата обращения: 26.02.2023).
9. Полоцкая Э. О. Вокруг ялтинской редакции «Шуточки» // Полоцкая Э. О. О Чехове и не только о нем. Статьи разных лет. — М., 2006. — С. 39–62.
10. Соловьев В. С. Соч. в 2 т. / 2-е изд. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — 822 с.
11. Федьё Ф. Голос друга. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — 80 с.
12. Чехов А. П. Шуточка // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. — Т. 5. — М.: Наука, 1976. — С. 21–24.